

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

18+

ВЕСТА,
ДОЧЬ МЕДВЕДЯ

Екатерина Шитова

Веста, дочь медведя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68337892

SelfPub; 2022

Аннотация

После трагической смерти матери, новорожденная внучка колдуна оказывается в лесу. Сам колдун обрекает дитя на верную смерть, отдав ее на съедение огромному медведю. Но медведь не убивает ребенка, а приносит новорожденную к избушке лесной ведьмы. Как сложится судьба девочки, оставшейся в лесу? Узнает ли она когда-нибудь тайну своего рождения?

Содержание

Часть I. Любаша.	4
Часть II. Ярополк.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Шитова

Веста, дочь медведя

Часть I. Любаша.

Любаша думала, что умирает. Она даже надеялась на это. Лежа на земле, она чувствовала, что не может пошевелиться. Тело пронизывала боль. Казалось, у боли не было начала и не будет конца. То, что с ней случилось, было похоже на страшный сон.

Она лежала, уткнувшись лбом в острые камни и прокручивала в голове снова и снова: вот она выходит из избы с ивовым коробом за плечами. В коробе молоко и хлеб для братьев-пастухов. Вот она идет знакомой тропой через перелесок к полю, где овец расположили на ночное. Вот за спиной слышит треск ломаемых сучьев, оглядывается и видит, что на нее надвигается что-то темное. Любаша кричит, но крик ее быстро обрывается, и она падает на землю под чьим-то натиском. А дальше – темнота. Словно большими железными ножницами вырезали этот кусок памяти из Любашинной головы. Будто она сама и вырезала.

Любаша не хотела вспоминать о том, что произошло с ней. Но помнила о том, что должна принести братьям, ночующим в поле, ужин. Поднявшись с земли, она почувствова-

ла, как по голым ногам течет что-то теплое. Опустив платье, Любаша нагнулась, чтобы поднять с земли короб. Глиняный кувшин опрокинулся, молоко залило весь хлеб. Содержимое короба теперь было похоже на кашу. Братья будут ругаться. Любаша вздохнула и поплелась обратно домой.

Еще несколько минут назад Любаша думала, что умирает, но она ошиблась. Может, лучше было бы, если бы она и вправду умерла?...

– Любаша, ты нас голодом зауморить хочешь? – закричал Александр, издав себя увидевший красное платье сестры.

Любаша подошла к костру, сняла короб, отдала братьям кувшин с молоком и два каравая. Присела у костра ждать, пока те поужинают.

– Где бродишь? – буркнул Петр.

– В перелеске упала, все молоко разлила на хлеб. Пришлось возвращаться, другое лить.

– Растяпа. Под ноги смотреть не учили тебя? – Петр покосился на сестру, и только сейчас заметил ссадину у нее на руке, – а это у тебя откуда?

– Упала, говорю же... – Любаша побледнев, отвела взгляд, – о камень ударилась.

Петр еще что-то хотел спросить у сестры, но тут вмешался Александр со своими шутками. Затараторил о том, что много кваса Любаша вечером выпила, вот ноги и заплетаются.

Вернувшись домой, Любаша прошмыгнула в комнату, где спала вместе с бабушкой, их кровати стояли друг против друга. Любаша поправила на старушке одеяло, и та причмокнула беззубой челюстью во сне. Сняв сарафан, Любаша в одной рубашке легла на кровать, подтянула к груди длинные ноги и зажмурилась.

"Рассказать все отцу с матерью? Выпорют. Да и как такое скажешь – стыдно!" – думала она.

Отец ей уже женихов подыскивал, а теперь – какие женихи, когда такое случилось...

На следующий день на покосе Любаша работала, как обычно, косила наравне с мужчинами. Вот только была очень бледна, это все заметили. Когда на обеде к ней подошла Анька, ее лучшая подруга, Любаша с ней почти не говорила, отворачивалась в сторону.

– Да что с тобой, Любашка? – обиженно спросила Анька, – заболела ты что ли?

Любаша покачала головой и закусила губу, чтобы не разреветься. Знала бы Анька, какой позор с ней вчера случился, может, и разговаривать бы с ней вовсе не стала. Любаша чувствовала, что от подруг ее сейчас отделяет огромная стена. Они-то все такие, как прежде, а она – нет. Не сможет она больше беззаботно хохотать с ними, играть на пригорке за деревней, не сможет до изнеможения плясать на сельских сходках и гадать на суженого тоже не сможет. Безудержная

тоска заполнила девичью душу. Скоро эта тоска вытеснит оттуда все остальные чувства...

Аньке надоело тормозить подругу, и она ушла, подседа в кружок к смеющимся девушкам. Любаша грустно вздохнула. Посмотрев по сторонам, она вдруг заметила пристальный взгляд. Мужчина сидел в тени дерева и смотрел на нее в упор. Несмотря на жару, он был одет во все черное. Когда он взмахнул рукой, отгоняя от лица назойливую муху, на его пальце холодным блеском сверкнуло широкое кольцо.

Любаша знала, кто это. Она почувствовала, как щеки ее заливают горячая краска, а к горлу подкатывает тошнота. Она отвернулась, собрала нетронутые лепешки обратно в узелок, встала и побежала к ручью. Умывшись ледяной водой, Любаша села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала...

Шли дни. Никто не мог понять, что случилось с Любашей. В чем крылась причина того, что некогда веселая и жизнерадостная девушка теперь ходила бледная, словно луна, тихая, словно тень? Этого не знали ни родители, ни подруги Любаши.

Физически она по-прежнему была крепка и здорова. Правда, ела мало и с неохотой, ссылаясь на отсутствие аппетита, но всю работу выполняла без единой придирки со стороны матери. Даже наоборот, стала больше помогать по дому – мать, бывало, попросит ее вычистить хлев, а окажется,

что Любаша еще вчера все вычистила: и хлев, и курятник.

– Отдохнула бы ты денек, доченька, зауморишь себя работой раньше времени, – причитала мать.

Но Любаше словно не сиделось на месте в последнее время. Сделав одно дело, она тут же бралась за другое – и так до самой ночи. Но все же перемена в девушке была на лицо. Она перестала выходить из дома, перестала гулять и болтать под окнами с подругами, даже с родными почти не говорила. Большие глаза ее постоянно были наполнены темной грустью. А когда Любаша думала, что ее никто не видит, эта грусть перерастала в самую настоящую тоску. Тогда на девушку было горько смотреть.

Мать, бывало, подойдет к Любаше и долго, ласково гладит ее по голове, как маленькую.

– Может на вечерку сегодня сходишь, Любаша? Анька на прошлой неделе снова подходила, про тебя спрашивала.

– Нет, маменька, не хочу, – отвечала Любаша и отворачивалась от матери.

Мать горестно вздыхала, и уходила на кухню хлопотать по хозяйству. А вечером шептала мужу, когда тот ложился рядом с ней в постель:

– Поди влюбилась она? Вон, в Алешку-соседа. В детстве-то они не разлей вода были! Тот в октябре женится, вот она и сохнет по нему, печалится...

– Вас, баб, не понять! Отстань, Матрена, спать охота. Печалится-перепечалится!

Женщина грустно вздыхала, шептала в ночную темноту молитвы и искренне надеялась, что после того, как Алешка женится, дочкины слезы, наконец, высохнут...

Осень пролетела быстро. Пришла зима. Любаша смотрела в маленькое оконце на хлопья снега, плавно кружащиеся в воздухе, и думала о том, что еще вчера на землю упал первый желтый лист, а сейчас уже все кругом покрыл снег.

Застелив постель, Любаша села и посмотрела на свой округлившийся живот. Совсем недавно она с ужасом поняла, что в ее чреве растет ребенок. Ребенок, зачатый в ночь, которую она хотела вырвать из памяти, в ночь, которая сломала ее жизнь – переломила пополам, словно тонкую сухую веточку. Любаша часто задавалась вопросом: чем она провинилась, за что ей посланы такие страдания? Но ответов не находила.

Любаша так никому и не рассказала о том, что с ней случилось в лесу. Сначала она остро переживала свою боль, потом ей было нестерпимо стыдно, а позже, когда чувства притупились, она уже не могла выдавить из себя то, что крепко-накрепко заперла внутри себя...

Встав с постели, Любаша подошла к большому сундуку, в который маменька собирала ее приданое, открыла тяжелую крышку, достала оттуда кусок ситца, отрезала от него длинную, широкую полосу и, обмотав выпирающий живот, туго затянула ткань, завязала концы узлом.

– Любашка, поднеси горшок, раз уж ты тут, – прошепелявила бабушка, приподнимаясь на подушках.

Любаша вздрогнула, быстро натянула на себя исподнюю рубаху и испуганно оглянулась на старуху. Но та смотрела поверх Любашиной головы полуслепыми глазами и протягивала дрожащую руку в ожидании ночного горшка.

Любаша прижала ладонь к груди, в которой отчаянно громко билось сердце, достала из-под лавки горшок и подала его бабушке.

В один из морозных зимних дней к Любаше пришли сваты. Вот так просто – свалились, как снег на голову, даже маменька ахнула от удивления. Потом выяснилось, что это отец заранее похлопотал, а дома предупредить забыл. Несколько дней назад он встретил в соседнем селе старого товарища и за очередной стопкой самогона выяснилось, что у обоих дети – на выданье.

Мужчина, уже сильно захмелевший к тому времени, решил, что хватит дочери сидеть на его шее – надо отдать ее замуж, и все тут. Да и с товарищем породниться семьями – святое дело.

Любаша за столом сидела бледная, молчаливая, на вопросы лишь кивала головой или растерянно пожимала плечами. Изредка она искоса поглядывала на парня, который даже не догадывался о том, что под просторным сарафаном Любаша прячет живот, который увеличивался в размерах день ото

дня. Ей было жаль и себя, и парня, который тоже время от времени поглядывал на нее с любопытством.

– Немая у вас невеста что ли? – не выдержав, спросил отец жениха, – ни слова за весь обед не проронила!

– Скромная, – гордо сказал отец, подошел к Любаше и положил широкую ладонь на ее плечо, – это и хорошо. Слова поперек мужу не скажет, все стерпит. Такой и должна быть жена.

Любаша сглотнула комок подступивший к горлу, встала и, извинившись, выбежала из кухни на улицу в одном платье. Забежав за хлев, она упала на колени, и ее стошнило. Обтерев снегом лицо, Любаша посидела немного, вдыхая холодный воздух, а потом поднялась и медленно побрела к дому.

В голове была пустота – густой туман, в котором не было ни одной мысли. Ей бы уже всерьез задуматься о том, что делать дальше, как выпутаться из клубка, в который спуталась вся ее жизнь, но она все время откладывала это на потом.

И вот, это "потом" наступило – свадьбу назначили на конец апреля.

Любаша собралась с духом, закусила губу и постучала Аньке в окно. Под конец зимы вдруг наступил лютый холод – маленькие окна Анькиного дома были сплошь разрисованы причудливыми морозными узорами. Между кудрявыми завитками на стекле Любаша увидела глаза подруги, высматривающей, кто к ней пожаловал. Увидев Любашу, улыбка на

лице девушки сменилась разочарованной гримасой.

– Я думала, что это Петька, – сказала Анька, запуская в дом Любашу и облачко морозного пара вместе с ней, – батя нам разрешил вместе на вечерки ходить. Любашка! Ты же не знаешь! У нас с Петькой свадьба будет в летом!

Любаша улыбнулась подруге, она уже позабыла, как весело и хорошо им дружилось, и сейчас воспоминания о прошлой жизни накатили на нее, заставив глаза наполниться слезами.

– Любаш, а ты чего плачешь? – изменившись в лице, спросила Анька.

Любаша покачала головой, вытерла слезы.

– От счастья за тебя. Ну и еще от того, что соскучилась сильно.

Анька обняла Любашу – так крепко, что обеим стало трудно дышать. Так они стояли несколько минут, пока с улицы в дом не зашел отец Аньки и не гаркнул на них:

– Чего тут столпились? Места в избе больше нету что ли?

Анька схватила Любашу за руку и потянула в свою комнату. Там, при свете тусклой лампадки, подруги перешептывались – Аньке много чего хотелось рассказать подруге. А когда пришел черед Любаше рассказывать о себе, она повернулась к Аньке и сказала:

– После того, что я тебе сейчас расскажу, ты, наверное, и зняться со мной не захочешь. Но я больше не могу так, Анька. Не могу в себе держать, тяжело мне. Хочу поделиться

своей бедой.

– Бедой? – удивленно выдохнула девушка и придвинулась ближе к Любаше, – Неужели ты из-за свадьбы так печалишься? Мне это... Мама сказывала, что тебя скоро замуж выдают.

Любаша скинула шаль и, уставившись в пол, подняла сарафан. Анька смотрела изумленным взглядом на ее, перетянутый лоскутом ситца, уже сильно выпирающий живот.

– Это... чего это с тобой? Это... как? – казалось, Анька потеряла дар речи от увиденного.

Любаша опустила сарафан – тяжелые складки алой ткани упали вниз. Она подняла с пола свою шаль, прижала ладони к пылающим щекам и заговорила сквозь слезы:

– Я летом братьям ужин поздно относила, через перелесок шла...

– Ну, знаю, там все ходят, – подтвердила Анька, кивая головой.

– Он выскочил из кустов и на меня как накинется! Ну и... все.

Любаша зарыдала, и Анька зарыдала вместе с ней. Услышав шум, в комнату заглянул отец Аньки и махнул рукой, увидев заплаканных подруг:

– Тьфу на вас, девки. То обнимаетесь, счастливые, то рвете. Кто вас разберет, что у вас на уме!

Когда отец ушел, Анька обняла Любашу за плечи.

– Кто это был, ты знаешь?

– Знаю, – глухо ответила Любаша.

– Кто же? – губы Аньки дрожали от страха, она боялась представить, что подобный ужас мог бы произойти с ней.

– Ярополк.

– Кто-кто? – глаза девушки округлились от удивления, – Ярополк, сын колдуна?

Любаша кивнула в ответ. Анька поднялась с лавки и стала мерить шагами комнатушку.

– Любаша, а ты не обозналась случаем? Ну, темно же было в лесу, да и испугалась ты сильно...

– Да разве можно не узнать Ярополка? Он же страшный, как чудище, – в голосе Любаша звучала горечь.

Анька кивнула в ответ, покачала головой, потом поднесла ладонь к губам, видимо, ужаснувшись картине, которая предстала перед ее глазами.

– Ты мне не веришь, – безнадежно прошептала Любаша, – вот видишь, Анька, даже ты мне не веришь... Что уж ждать от других? Никто бы мне не поверил. И сейчас никто не поверит, если расскажу.

Любаша резко поднялась с лавки и тут же почувствовала резкую боль. Она схватилась за живот и согнулась пополам.

– Любаша, милая, да что с тобой? – испуганно затараторила Анька, – верю я тебе, верю! Тебя в детстве столько раз за мою вину пороли. Как я могу тебе не верить? Мы же подруги!

Любаша, почувствовав облегчение, выпрямилась и вытер-

ла со лба испарину.

– Ладно, Анька, забудь. Все равно мне теперь одна дорога – на Кузькин обрыв, – сказала она, и в голосе ее не было ни одной эмоции, – живот уже, вон, совсем не утягивается...

Анька вздрогнула от слов Любаши. Кузькин обрыв давным-давно оброс дурной славой. Кто-нибудь все время сводил там счёты с жизнью, бросаясь с высокого берега в реку.

Анька подошла к Любаше и снова крепко обняла ее. Та положила голову на плечо подруге, закрыла глаза и попыталась представить, что все, как раньше, и ничего плохого не случилось с ней. Но не смогла. Это плохое уже отравило всю ее жизнь, всю ее насквозь пропитало едкой горечью.

В коридоре вновь раздались грузные шаги, и в комнату Аньки вновь заглянул отец.

– Ну вот, наревелися, а теперича снова обнимаются, – мужчина захохотал, но никто из девушек не разделил его веселья, тогда он продолжил, – Анька, к тебе Петр пришёл, топчется у ворот на морозе.

– Бегу! – быстро ответила Анька, соскочила с лавки и выглянула в окно, – и вправду стоит.

Лицо Аньки расплылось в счастливой улыбке, но она, устыдившись своего счастья, тут же снова нахмурила брови. Подойдя к Любаше, она зашептала ей на ухо:

– Ты про Ярополка-то лучше не говори никому, только опозоришься. Говорят, у колдуна Захара столько богатства в амбаре, что он все равно сумеет сынка своего откупить. Да

и бояться его, колдун как-никак, – Анька озабоченно нахмурилась.

Любаша кивала головой, внимательно слушая подругу. Она чувствовала, что тяжелый камень упал с души, когда она поделилась своим горем, беда ее даже как будто немного уменьшилась. И ей хотелось думать, что Анька обязательно придумает, что ей теперь делать.

Анька, и вправду, думала, нетерпеливо кусая кончик указательного пальца. Потом остановилась перед Любашей.

– Про Кузькин обрыв ты забудь, Любаша. Вот что я тебе скажу... Я как-то подслушала разговор маменьки с тетей Дусей, ее родной сестрицей. Так вот та сказывала, что за деревней Торжки в северной стороне есть лес. В том лесу живет ведьма, зовется Марфа. Она, говорят, умеет все. Может такое сотворить, что нам с тобой и не снилось! – Анька покраснела и, оглянувшись, зашептала еще тише, – Тетя Дуся сказывала маменьке, что Оксанка, соседка ее, ходила к Марфе от бремени нежеланного избавляться. Ты, Любашка, сходила бы к ней тоже...

– Хорошо, – покорно ответила Любаша и повязала шаль на голову.

На пороге она еще раз крепко обняла Аньку, и та сказала ей на прощание:

– Если хочешь, я к Марфе с тобой схожу, вот только надо дожидаться, пока снег сойдет... Ты только не пропадай, Любаша, не пропадай, милая.

Любаша кивнула и долго смотрела вслед двум счастливым влюбленным, Аньке и Пете, идущим по сугробам, держась за руки, смотрела до тех пор, пока они не свернули на узкую тропку между домами.

Слова Аньки звучали в голове. Может и вправду ведьма Марфа сможет ей помочь? Ребенок в животе словно услышал ее мысли и сильно пнул ножкой. Любаша прижала руку в меховой варежке к животу. А вдруг он там такой же страшный, как Ярополк – хромоногий и кривой? От этой мысли Любашу передернуло.

Слезы катились из глаз девушки и многочисленными круглыми льдинками замерзали на ресницах, пока она шла по морозу домой. У ворот она слегка замешкалась, ей вдруг показалось, что кто-то смотрит ей в спину. Обернувшись, она увидела на конце тропинки темную фигуру. Колдун?...

Человек стоял неподвижно, Любаше вдруг стало так страшно, что она быстро прошмыгнула в ворота и крепко закрыла их за собой, с грохотом опустив щеколду на железные петли.

Весна разлилась по деревне мутными талыми водами, наполнила воздух ароматами влажной земли, обнажила грязные проталины, по которым, с присущей им важностью, прохаживались грачи.

Вскоре пасмурный март сменился солнечным апрелем, и в Любашином доме заторопились с последними пригото-

ниями к предстоящей свадьбе.

– Молодец, Любашка, поправилась к свадьбе, раздобрела за зиму – вон и живот, и бедра появились, – как-то за обедом сказала мать.

Любаша так и замерла с ложкой в руке, на ее щеках выступил пунцовый румянец.

– Ну-ну, чаво девку-то смущаешь! Вон зарделась вся! – отец погладил дочь по голове, желая приободрить ее, – но мать дело говорит, Любаша. Жена должна быть надежной опорой мужу. Чем крупнее она будет, тем лучше. Так что вовремя ты в тело вошла, дочь. Еще бы щеки поплотнее, да поалее, а то вся побледнела да осунулась без солнышка.

Любаша сидела, опустив голову, чувствуя, как ребенок яростно пинает ножками под ребра. Как ни старалась она ту же затягивать живот, в последнее время он все равно выпирал из-под платья. Вон и родители заметили, как ее разнесло.

Кроме меняющейся фигуры, были и другие перемены. Любаша чувствовала, как с каждым днем ей все тяжелее выполнять работу по дому. Она то и дело присаживалась, чтобы отдохнуть, а иногда живот начинал так сильно болеть, что Любаша сгибалась пополам и сжимала в кулаки складки длинного платья, чтобы не закричать от боли...

Когда земля просохла и покрылась свежей, сочной травой, а до свадьбы оставались считанные дни, Любаша собрала в узелок немного сухарей и ушла из дома задолго до рассвета. Когда мать заглянула в ее комнатку, чтобы разбу-

дить заспавшуюся девушку, Любаша уже была на полпути к деревне Торжки...

Любаша шла по лесу очень медленно, часто останавливалась, иногда падала на колени, чтобы отдышаться, а потом снова поднималась. Идти было тяжело, живот стал словно каменный и тянул ее вниз.

Она поняла, что рожает, когда боль скрутила тело с такой силой, что она не могла ни вздохнуть, ни пошевелиться, только сжимала зубы и закусывала губы до крови. Боль была коварна – она зарождалась внизу живота, разрасталась вверх, опутывала прочными нитями все внутри, а потом затягивала эти нити в единый тугой узел.

Еще какое-то время Любаша ползла на коленях, на каждой схватке впиваясь ногтями в землю. А потом она поняла, что даже ползти уже не может – мощные потуги пригвоздили ее к земле, и тело пыталось изгнать из себя плод.

Пошел дождь, и крупные, холодные капли падали на разгоряченное Любашино лицо, охлаждая его, смывая соленый пот со лба. Любаша кричала, и крик ее заглушал первый майский гром. Когда младенец появился на свет, она взяла его маленькое тельце, прижала к груди и без сил опустила голову на мокрую от дождя траву.

Это была девочка. Она не была похожа на Ярополка, наоборот, она была очень красивая. Любашино сердце замерло от страха: поначалу девочка лежала у нее на руках, слов-

но мертвая: тельце ее было синим и обмякшим. Но потом она открыла маленький ротик и закричала – звонко, требовательно, как кричат новорожденные.

Любаша затаила дыхание, рассматривая маленькое круглое личико: вздернутый носик, кукольные губки, светлые брови и реснички. А потом она не выдержала и широко улыбнулась. Это ее ребенок, ее доченька.

Всю беременность она была уверена в том, что никогда не сможет полюбить этого ребенка, она ненавидела и себя, и его, хотела умереть вместе с ним, проклинала свою жизнь. Теперь же, держа на руках хрупкое, беззащитное, маленькое существо, Любаша поняла, что любит девочку всем сердцем. Нежность наполнила ее пустую, почти высохшую от страданий душу, наплатала ее нежностью и благодатью. Любаша вздохнула – глубоко и свободно, впервые за долгое время.

– Моя доченька... – прошептала она, и слезы капнули на голое тельце ребенка.

Сняв с себя рубаху, Любаша завернула в нее девочку и приложила ее к груди. Ощущения эти были новы и удивительны, и сердце Любаши то и дело замирало в груди от переизбытка новых, сильных материнских чувств.

Только когда дочка уснула, Любаша заметила, что все вокруг в крови. Кровь не останавливалась, текла по ногам, и вместе с ней из Любаши вытекали последние силы, оставшиеся в ее измученном теле.

Любаша чувствовала, как руки и ноги немеют, наливают-

ся неподъемной тяжестью, перед глазами стояла тьма, она догадывалась, что еще немного, и эта тьма поглотит ее, затянет в себя без остатка. Она сопротивлялась, как могла, а потом, в полнейшем изнеможении, опустила голову на землю и залилась слезами.

– Прости меня доченька! Я... Я не смогу сберечь тебя.

Вскоре слезы на ее щеках высохли, дыхание стало еле слышным, а потом и вовсе замерло. Веки потяжелели и опустились навсегда.

Любаша умерла.

Маленькая новорожденная девочка лежала рядом с мертвой матерью и громко кричала. Когда ее голосок совсем охрип, над ней вдруг склонился седовласый мужчина в темной одежде. Он поднес руку к личику ребенка, и на его мизинце блеснуло кольцо. Мужчина быстрым движением распеленал младенца, взял на руки и произнес разочарованно:

– Девочка...

Разочарованно вздохнув, мужчина на несколько мгновений прижал младенца к своей груди. Ребенок, почувствовав тепло, перестал кричать и лишь жалобно всхлипывал время от времени.

Мужчина посмотрел на Любашу, и на его лице появилась безгловая гримаса. Он небрежно положил ребенка рядом с мертвой матерью и, резко развернувшись, уже собирался уйти прочь, но внезапно тишину леса нарушил страшный рев. Мужчина вздрогнул и обернулся – прямо на него из чащи,

ломая кусты и деревья на своем пути, шел зверь – огромный, как гора. Это был бурый медведь.

Он поднялся перед мужчиной на задние лапы, и очередной громоподобный рык вырвался из его пасти. Мужчина снова поднял с земли плачущее дитя и протянул его зверю. Во взгляде его не было ни капли страха, а на лице застыло суровое выражение.

– На вот. Отменный ужин тебе будет, косолапый. Или хочешь всю ночь хрустеть моими старыми костями?

Медведь обнюхал младенца, шумно втягивая круглыми ноздрями воздух, посмотрел на мужчину, а потом взял в зубы маленькое, тщедушное тельце и пошел прочь со своей добычей...

Часть II. Ярополк.

Ярополк смотрел, как над темным лесом, что виднелся на горизонте, занималась заря. Сначала над вершинами елей, стоявших плотной стеной, появилась тонкая оранжевая полоска. Полупрозрачная и дрожащая, она с каждой минутой набирала силу и цвет, становилась полнее, ярче. Оранжевый цвет сменялся розовым, а розовый постепенно переходил в алый – природа так умело смешивала краски, словно это было не небо вовсе, а гигантская палитра.

Ярополк не любил зарю. Было в этих коротких минутах солнечного восхода какое-то завораживающее колдовство, гораздо более сильное, чем то, которым владел его отец. Колдовство, обнажающее правду.

Ярополк мог представлять себя обычным человеком, пока миром правила ночная тьма. Тьма скрывала его уродство – кривое, непропорциональное тело, несоразмерно короткую и из-за того сильно хромающую правую ногу, перекошенное застывшей судорогой лицо. Когда же солнце показывалось из-за леса, разгоняя остатки ночного мрака, Ярополк чувствовал нечто вроде разочарования. Он вновь становился самим собой – жалким и уродливым калекой.

Ярополк отвернулся от окна и вернулся к своим мрачным мыслям.

– У нее родилась дочь! – кричал накануне на Ярополка

отец, вернувшись из леса.

Ярополк весь сжался тогда, чувствуя, что отец, несмотря на усталость, может поколотить его.

– Мне нужен был внук! Внук! Я просил тебя о сыне, но ты даже эту просьбу не можешь выполнить! Слабак! – в голосе колдуна прозвучала ненависть, так хорошо знакомая Ярополку, а на его лице отразилась вековая усталость.

Ярополк напрягся всем телом, сжал кулаки. Как же он мечтал в такие минуты плюнуть отцу в лицо, сжать кривыми пальцами его шею и сдавить ее до хруста позвонков. Ярополк ненавидел отца. Сколько он себя помнил, отец все время бил и унижал его. Самое подлое – бить и унижать того, кто никогда не сможет дать отпор. Разве мог горбатый, хромоногий мальчик-калека защитить себя от взрослого, крепкого мужчины?...

Мать Ярополка умерла очень давно, когда Ярополку не было и года. Он не мог помнить ее, но в его голове жил образ, который он сам себе придумал: волнистые, светлые локоны, щекочущие лицо, нежные, теплые руки, обнимающие его, лечащие любую боль, добрая, открытая улыбка и взгляд, наполненный любовью.

Почему она умерла? Ярополк не ведал этого. Но он был уверен, что, если бы она была рядом, ему бы легче жилось. Отец почти не обращал на мальчика внимания и бил за любой проступок. Наверняка, мать жалела бы его, говорила с ним, целовала бы его заплаканные щеки...

Ярополк вырос и, несмотря на физические недостатки, сила его тоже выросла. Он с легкостью рубил деревья, в одиночку носил тяжелые бревна, ставил срубы и считался в деревне хорошим мастером. Не вырос лишь характер Ярополка. Отец по-прежнему называл его слабаком, а Ярополк тайно плакал от обиды.

К людям Ярополк был добр, в работе бескорыстно помогал всем, кто попросит, никому не отказывал. И люди его любили: мужики звали Ярополка на все свои сходки, которые начинались общим делом, а заканчивались общей попойкой. Ярополк пить не пил, но пьяных мужчин не оставлял – всех разносил поочередно по домам. За это жены мужиков Ярополка жалели и всегда угощали парня свежими булками и пирогами.

Не было добрее человека в деревне, чем кривой и хромоногий Ярополк. Все изменилось тогда, когда в один из зимних дней отец приказал Ярополку найти невесту.

– Я уже стар, я не смогу жить вечно. Поэтому мне нужен внук, которому я смогу передать свой дар и свою силу, – строго сказал колдун, рассматривая массивное кольцо на руке и отпивая из кубка горькую полынную настойку, – деревня у нас большая, девушек полно, выбирай.

– Да кто же из них посмотрит на меня, отец?

– На тебя-то никто, – зло усмехнулся отец, – а вот на богатства мои многие могут позариться.

Ярополк кивнул в ответ и отвернулся от отца, чувствуя,

как жгучая краска стыда заливает его лицо. Ночью он попытался представить то, что никогда раньше не смел представлять – себя рядом с девушкой.

Каково это – касаться нежного лица, целовать алые губы, обнимать за широкую талию? От этих мыслей голова у Ярополка пошла кругом, ладони вспотели, а тело наполнилось приятным томлением.

А если и вправду отец найдет ему невесту? Это значит, что Ярополк, наконец-то, заживет собственной жизнью, избавится от ненавистного гнета, который огромным камнем тянул его на дно. От этих мыслей сладкое предчувствие затрепетало в груди калеки. Это была надежда на призрачное счастье.

По весне Захар с Ярополком стали ходить свататься то к одной девушке, то к другой, но никто из родителей не давал согласия на брак с калеккой. Одни боялись отдавать дочерей за уродца – какие дети могли родиться у такого отца? Страшно представить! Других пугало само родство с колдуном – это же на всю оставшуюся жизнь можно позабыть о покое. Чуть что не по нему, вмиг порчу наведет!

Захар получал отказы и злился, часто пил полынную настойку. Все яростнее он выплескивал свой гнев на сына, все беспощаднее издевался над ним. Ярополк терпел, он не терял надежды на то, что удача все же улыбнется ему, и что отец какой-нибудь девушки, пусть самой неприметной, од-

нажды согласится на свадьбу.

В безуспешных попытках найти Ярополку невесту прошла весна. Наступил июнь, но летнее тепло не смягчило безжалостное сердце колдуна, скорее наоборот, постоянно подогревало его злобу, обращенную к сыну.

В один из летних вечеров Захар разошёлся и поколотил сына так сильно, что тот едва выполз из дома. Поднявшись на улице на ноги, Ярополк кое-как добрался до сарая и спрятался за ним, прислонившись спиной к шершавым доскам. Всматриваясь в густую вечернюю темноту, Ярополк сплюнул кровавое месиво, наполнившее рот, потрогал дрожащими пальцами распухшее от ударов лицо.

Не разбирая дороги, Ярополк побежал прочь от дома. Он бежал до тех пор, пока не упал лицом вниз, уткнувшись носом во влажный, мягкий мох. Сколько он так пролежал, всхлипывая от обиды и боли? Час? Два? Его закусывали комары, но он не чувствовал ничего, его тело, напитанное болью, не реагировало больше ни на что.

И тут внезапно он услышал шелест быстрых шагов – мимо него, по тропке через перелесок кто-то шел. Ярополк поднял мокрое от слез лицо, с налипшим на него мусором, сухими листьями и кусочками мха и увидел, как в темноте между деревьями мелькнул силуэт девушки – красный сарафан, белая рубашка и длинная коса за спиной.

Несколько мгновения Ярополк смотрел на тонкую фигурку, а потом злобно прошептал в темноту:

– Невесту, говоришь, нужно найти? Внука, говоришь, нужно родить? Получай же своего внука, отец!

Он поднялся с земли и, хромая, побежал за девушкой. Догнав ее в несколько больших прыжков, он повалил ее на землю. Что произошло потом – этого Ярополк и сам не мог понять, как будто обжигающий, яркий огонь загорелся у него в груди и быстро распространил свое пламя на все тело, обжег нутро.

Ярополк действовал инстинктивно, а потом отпрянул от девушки, устыдившись самого себя. Взглянув в красивое, мертвенно-бледное лицо своей жертвы, он вдруг подумал, что она мертва.

"А вдруг и вправду умерла от страха?" – подумал Ярополк, и по телу его пробежала холодная волна ужаса.

Он отполз в сторону, поднялся на ноги и, хромая, быстро скрылся между деревьями. Поначалу он решил убежать и какое-то время неся вперед, не разбирая дороги. Но бледное лицо девушки стояло перед глазами, как навязчивое видение, и он повернул назад. Вернувшись к месту своего преступления, он неподвижно замер за кустами, увидев, что девушка уже поднялась с земли.

Накинув короб на плечи, она пошла туда, откуда пришла. А Ярополк вздохнул облегченно. Он узнал ее – это была Любаша, молоденькая, смешливая девчонка, дочка плотника. Теплое ощущение наполнило грудь Ярополка, нежность мелькнула в его глазах. Теперь Любаша стала ему родной,

ведь теперь она будет носить его ребенка... Ярополк любовался девушкой до тех пор, пока она не ушла, а потом и сам со спокойным сердцем отправился домой.

– Будет тебе внук, – сказал он отцу, вернувшись домой, и лицо его при этом наполнилось гордостью.

Захар выслушал сына, а потом положил холодную ладонь на его острое, перекошенное, торчащее кверху плечо, и воскликнул:

– Наконец-то! Не зря я так часто бил тебя! Порой думал, что прибью до смерти. Но вот доказательство – мужской характер только силой воспитывается.

Лицо колдуна выражало одобрение. Впервые в жизни Ярополк сумел вызвать такую реакцию с его стороны. Довольный собой, он ушел в свою комнату и несколько часов к ряду, с лица его не сходила счастливая улыбка. Но под вечер следующего дня он вдруг вспомнил бледное девичье лицо, искаженное гримасой боли и отчаяния, и ему вдруг стало нехорошо: воздуха не хватало, задыхаясь в душной комнате, он раскрыл нараспашку створки окна и по пояс высунулся в прохладу летнего вечера. Но облегчения это не принесло: руки его подрагивали, на глаза выступили слезы. Истинные чувства, которые он гнал от себя, сейчас нахлынули на него и никуда от них было не деться.

Впервые в жизни он намеренно причинил другому человеку боль. Первоначальная эйфория прошла, и сейчас на душе остались лишь стыд и горечь. Ярополк был виноват, он

совершил то, чего сам от себя не ожидал. Чувство вины росло, и с каждой минутой отравляло его душу все сильнее, а потом и вовсе переросло в страдание...

Вскоре Ярополк понял, что любит Любашу всем сердцем. Он стал следить за ней, но девушка смотрела на него глазами, полными ужаса, поэтому он не решался подойти к ней. Он ждал, что со дня на день к ним в дом придет отец Любаши и будет требовать объяснений. Вот тогда все и решится. Пусть он даже побьет Ярополка, но зато Любаша уже никуда от него не денется.

Он все еще твердо верил, что Любаша станет его женой, и тогда вся его жизнь изменится. Пусть он некрасив, но он сделает все, чтобы его жена и его сын были счастливы. Жена и сын... Эти слова по-прежнему приятно тревожили душу Ярополка.

Шли дни, осень сначала окутывала деревню влажной моросью, кружила по улицам туманы и терпкие запахи опавшей листвы. А потом запорошил снег, прикрывая мягким белым покрывалом голую, взмокшую от дождей землю.

Никто так и не пришел в дом колдуна Захара – ни отец Любаши, ни ее братья, ни она сама. Ярополк томился, сомнения и тяжелые думы одолевали его. Лицо его темнело день ото дня. Может быть, Любаша не понесла от него вовсе? А поступок его постыдный скрыла от всех и забыла? Что ж, тогда делать нечего, повторять свой постыдный поступок он

не хотел.

Когда Ярополк смирился со своим одиночеством, отец вдруг объявил ему за обедом торжественным тоном:

– По весне родится мой наследник. Живот уже огромный у девчонки, прячет она его умело под сарафаном. Даже от родителей свое положение скрывает. Как снег сойдет, она в лес к ведьме Марфе собирается.

– Откуда ты все это узнал? – спросил Ярополк, испуганно взглянув на Захара.

– Подружку ее припугнул, – Захар засмеялся противным высоким смехом, – пригрозил, что жениха изведу, если не расскажет мне правду про Любашу. Видал я накануне, как та со двора ее шла.

Ярополк неуверенно кивнул головой, посмотрел в заиндевелое окно, стараясь скрыть свое волнение.

– Почему же она не сказала никому, что я с ней сотворил? – спросил он едва слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.